

Е.Б. Фучс

**Анекдоты князя
Италийского, графа А. В.
Суворова-Рымникского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.Б. Фучс**
Анекдоты князя Италийского, графа А. В. Суворова-Рымникского / Е.Б. Фучс –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 210 с.

ISBN 978-5-518-08120-8

ISBN 978-5-518-08120-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

III

погрѣшься, когда озлбну.“ Такое вступленіе въ новое знакомство мнѣ очень не понравилось, и я ушелъ опть его объда. За споломъ спрашивалъ онъ, куда дѣвался худощавый Бригадиръ? и ему опвѣчала, что занемогъ колюкою.— Опть многихъ старался я узнавать о первыхъ впечатлѣніяхъ, которыя производилъ его пріемъ; и всѣ согласовались съ моими чувствами. Чтобы и вы со мною согласились, позволите мнѣ васъ ему предсказать. Переселимся мысленно въ вѣкъ его и сыграемъ комедію; но невымышленную. Зная васъ, ваше воспитаніе, вашу образованность, ваше уваженіе къ вельможамъ, вы бы конечно пожелали увидѣть того знаменитаго Россіянина, героя всѣхъ вѣковъ прошедшихъ и будущихъ. Вы, можетъ быть, невольно приготовились бы сказать ему что-нибудь лестное; но, вдругъ, гдѣ вы?— въ избѣ, или простой горницѣ; старикъ, въ солдатской куршкѣ или въ рубашкѣ, безъ докладовъ выбѣгаетъ, обнимаетъ васъ, начинаетъ вамъ рассказывать спранныя, небылицы, прыгаетъ, вершится, дѣлаетъ вамъ вопросы, ни съ чѣмъ несообразные. Вы пренецете, чтобы не проговориться, не попасть въ немогузнайки; и кто же это опть чудакъ? Суворовъ!—Навѣрно сказали бы вы мнѣ шже, что одинъ добрый и достой-

IV

ный пріятель мой, котораго я уговорилъ предсавившись ему, и которому онъ сказалъ, увидя большой его носъ: „Поцѣловалъ бы шебя въ губы, но носъ мѣшаептъ.“ Пріятель мой снмъ оскорбился, и сказалъ мнѣ съ досадою: „Чшо вамъ вздумалось привести меня въ домъ сумасшедшихъ.“ Хотѣлъ-было попчасъ уйити.— Такъ и Лейбъ-Медикъ, Вейкарпъ, послѣ перваго пріема, хотѣлъ немедленно возвратиться въ Петербургъ. И онъ обидѣлся опзывомъ Суворова, чшо Наумъ, его фельдшеръ, первый врачъ въ Европѣ. А такъ какъ у Вейкарпа выговоръ Нѣмецкій ему не понравился, то велѣлъ ему говорить по-Русски, и опвѣчать даже на этомъ языкѣ, если бы Суворовъ и забышисъ спалъ съ нимъ говорить по-Нѣмецки. Вейкарпъ съ трудностію изъяснился по-Русски. Подивитесь же теперь! Пріятель мой сдѣлался въ продолженіе времени преданнѣйшимъ человѣкомъ Суворова; а Вейкарпа заспаю я въ Вильнѣ на колѣнахъ предъ Распяіемъ молящагося съ пролипіемъ слезъ. Я испугался и спросилъ его, не получилъ ли онъ изъ Петербурга непріятныхъ о семействѣ своемъ извѣстій? „Нѣтъ;“ опвѣчалъ онъ „вижу, чшо Медицина наша ограничена; я прибѣгаю и молю всѣхъ благъ Подателя, да вразумитъ меня изцѣлитъ нашегоопца.“— Такъ всѣ

окружавшіе его, послѣ перьвыхъ пляжнхъ испытаній, дѣлались его приверженцами. — что подумали бы вы на сей аудіенціи, увидя Генералиссимуса, по подбѣгающаго къ вамъ, по опбѣгающаго, начинающаго въ одномъ углу дѣлать сравненіе древнихъ Грековъ съ Римлянами; вдругъ слышите вы рассказы о бывшей пляскѣ въ Горовицкомъ уѣздѣ; опсюда переходъ къ Римнику, повѣспованіе о сраженіи, котораго вы не понимаете. Но довольно: вы уснули; выходите изъ сего сумбурнаго міра, и спрашиваете меня, гдѣ же Суворовъ? — Онъ въ своемъ кабинетѣ: память все, что вы видѣли и слышали здѣсь, прекращается. Тамъ однажды я неспати расшутился, и онъ мнѣ сказалъ: „За чѣмъ не сберегъ ты лучше эти матеріалы для стола; теперь пора рабочая.“ Тамъ диктуетъ онъ диспозицію къ сраженію, взвѣшиваетъ въ умѣ своемъ силы непріятельскія, назначаетъ позиціи своимъ войскамъ, предписываетъ имъ дѣйствія новыя, чертитъ самъ планы, или поправляетъ ошибки искуснѣйшихъ своихъ Генералъ-Квартирмейстеровъ, Шапелера и Цаха, которые за то не сердятся, но изумляются и благодарятъ его. Румянцовы, Конде, Тюрены и весь Ареопагъ великихъ полководцевъ, кажется, въ немъ воскресаютъ. Это

VI

не лесь: неумолкающій громъ шеспидесяти побѣдоносныхъ сраженій возвѣщаепть по вселенной! Вы увидѣли бы рѣдкій феноменъ: челоуѣка въ двухъ лицахъ; перемѣнили бы прежнее одностороннее свое объ немъ сужденіе, и умолкли. Но послѣ сего молчанія угадываю уже вашъ вопросъ: „За чѣмъ же пакому великому мужу показывапться чудакомъ?“ “Вопть этого-по вопроса я и препеналь.— Скажу вамъ, что знаю; напередъ чувствую, что не удовлетворю вполнѣ вашему любопытству. Старикки рассказывали мнѣ, что онъ началъ такъ спранничать съ Полковничьяго чина, когда съ полкомъ своимъ осадилъ и взялъ приступомъ Монастырь. Намъ оспаептся только удивляпться, какъ чрезъ споль долгое время, по конецъ жизни своей, носилъ онъ сію личину спранностей! Онъ, по видимо-му, не хотѣлъ сложипть ее съ себя, чпобы не переспать бытъ Суворовымъ. Расскажу вамъ, что мнѣ говорилъ на эпопть счепть одинъ престарѣлый, придцати пяти-лѣпній сопутникъ Суворова. Вопть его слова: „Онъ рѣшилса бытъ единспвеннымъ, ни на кого не походипть. Для сего пробѣжалъ онъ прежде обширное поле Исторіи всѣхъ вѣковъ; вы видите, съ какимъ вниманіемъ читаепть, слушаепть, двердипть онъ біографіи всѣхъ великихъ

VII

мужей, хвалять примѣры ихъ величія; но, для своей славы, прокладываетъ новую, дополъ неизвѣстную процу. Онъ знаетъ, что наружность его не позволяетъ ему когда-либо сравниться съ особенною савинопостию и даромъ слова Румянцева; что дабы уподобиться въ великолѣпнн и въ огромныхъ замыслахъ Попемкина, нужны были бы несмѣнные миллионы злата. Повѣрьте мнѣ, “ продолжалъ Вилимъ Христофоровичъ Дерфельденъ „сей мнимый врагъ зеркала, замѣня въ ономъ невидную свою наружность, начерпиль тогда же планъ той роли, которую теперь играетъ. Мы всѣ видимъ неупомимое его стремленіе, быть героемъ и каваться чудакомъ. И мы не можемъ довольно возблагодарить Промыслу, вознесшему на опечественный Престолъ нашъ образецъ во благости Царей—Екатерины. Она въ спранностяхъ Суворова, неперпимыхъ во всякой службѣ подъ другимъ Правленіемъ, видѣла зарю будущей Своей славы.“—слова сіи, плоды тридцати пяти-лѣтнихъ наблюдений! Присоединю здѣсь нѣчто на счепъ пользы, отъ спранностей его происходившей. Я видѣлъ нерѣдко, какъ приходили къ нему Союзные Генералы, съ жалобами, или объясненіями по недоразумѣніямъ, споль часто между Союзниками возникающимъ и угрожав-

VIII

шимъ тогда неприятными послѣдствіями, даже разрывомъ. Но одно его неожиданное острое слово, шупливый какой-нибудь рассказъ о постороннемъ предметѣ, проказливые спачки — погущали вдругъ пламя раздора въ самомъ его началѣ. Они вабывали иногда, за чѣмъ приходили. — Цѣною многочисленныхъ побѣдъ, безпредѣльной довѣренности къ нему войска и опытнаго знанія сердца человѣческаго, приобрѣлъ онъ сіе преимущество издѣваться надъ всѣми, когда мы думали, что мы надъ нимъ смѣемся. Онъ былъ оригиналъ, и оригиналъ неподражаемый. — Не могу не упомянуть здѣсь о слѣдующемъ, ему пересказанномъ анекдотѣ, что когда одинъ Генераль, желавшій итти по слѣдамъ его, закричалъ однажды войску словами и голосомъ Суворова: „Здравствуйте, ребята, чудобогатыри, друзья мои, я пр. и пр.“ то всѣ солдаты расхохотались, и произнесли въ одинъ голосъ: „Что этогъ спарикъ къ намъ привязался?“ Всѣ его восклицанія дѣйствія надъ ними не произвели. Восторгъ, съ какимъ выслушалъ Суворовъ сей анекдотъ, обнаружилъ слишкомъ поржесиво его въ неподражаемой его оригинальности. Изъ многихъ, здѣсь помѣщенныхъ анекдотовъ увидите вы, что онъ не хотѣлъ походить на ихъ военачальниковъ, о

IX

которыя говорятъ только въ продолженіи ихъ начальствованія. Нѣтъ, онъ хонгль и внѣ круга сей дѣлительности былъ предметомъ безпрестанныхъ разговоровъ своихъ воиновъ, жилъ въ сердцахъ ихъ, былъ, какъ я уже сказалъ, книгою въ ихъ избахъ, забавлялъ собою и удивлялъ, и съ особенностію характера своего споялъ наравнѣ съ воинскимъ своимъ гениемъ. Игралъ такую роль, ни отъ кого незаимствованную, а самимъ собою для себя сотворенную, выдерживалъ ее во всѣхъ превращеніяхъ долговременной жизни своей, преобразилъ ее во вѣщую себѣ напуру — есть, въ нравственномъ мірѣ, явленіе чудесное! И сему по жертвовалъ онъ своимъ умомъ, своими нравственными и физическими силами, своимъ покоемъ, такъ сказать: всѣмъ бытіемъ своимъ! — и для чего?... чтобы былъ человекомъ необыкновеннымъ, единственнымъ; чтобы сіялъ въ Исторіи благотворнымъ для человѣчества феноменомъ. Разкройте сіи анекдоты, обрисовывающіе расплывчатые отрывки его умоначертанія, и вы встрѣтите въ нихъ слѣды стремленія его къ сей единой цѣли. — Въ одномъ анекдотѣ говоритъ Суворовъ, что Александръ не сжегъ Аѳинъ для того, чтобы въ тамошнихъ гостиницахъ рассказывали о его гаярствахъ. „Пусть,“

Х

присоединяетъ онъ „и о моихъ солдатахъ
скихъ проказахъ говорятъ въ арпел-
ляхъ.“ Сіе - то лучше всего оппечатыва-
етъ порывы его къ безсмертію. — И
этого Россіянина, за то, что онъ былъ
знаменитый Россіянинъ, песприли, мара-
ли, чернили приспраспныя, алобою упи-
паннныя перья нѣкопорыхъ Испориковъ
Германіи и Франціи. Но извѣспный на
Германскомъ горизонтѣ писатель, Сеуме,
побуждаемый благородспвомъ чувспвъ и
справедливостп, опважился бытъ его
защпщникомъ; за то инопспранные жур-
налы возспали на него, и обвинили его
въ приспраспнн — такъ укоренилось пре-
дубѣждение пропнвъ Суворова! — Г. Сеуме
былъ Россійской службы Офицеромъ, за
неявку въ срокъ въ полкъ свой выклю-
ченъ, возврапился въ Германію, и сдѣла-
ся извѣспнымъ своими сочиненіями, а
болѣ описаніемъ спранспвованія своего
дѣщкомъ въ Сиракузы. Въ ономъ говорилъ
онъ о Суворовѣ; и я съ удовольспві-
емъ выпнспваю вамъ здѣсь въ переводѣ
слова сего чужеземца, для копорого испи-
на свящenna.

Вошь какъ онъ говоритъ: (*) „Городъ
Айроло, на Альпійскихъ горахъ, былъ мо-

(*) См. *Spaziergang nach Syrakus, 2 Teil* Sei-
te 100.

ХІ

имъ впорымъ ночлегомъ. Здѣсь помѣспился я въ домъ, въ которомъ говорили по-Нѣмецки, по-Италіянски и по-Французски. Хозяинъ дома соспавлялъ съ своимъ семействомъ пріятный кругъ, гдѣ я поспчасъ водворился. Суворовъ споялъ у него нѣсколько времени на кварспирѣ, и оба мы имѣли поспчасъ пунктъ прікосновенности. Онъ былъ преисполненъ энтузіазма къ спарику Генералу, и хвалилъ особенно его любезность и спиходительность, что можетъ быть многимъ покажется спраннымъ и подозрительнымъ. Но я не вижу, за чѣмъ бы хозяину въ Айроль, на высотѣ Сен-Готара, говорить о томъ, чего онъ не видалъ. Суворовъ былъ не одинъ Генералъ, который во время войны сдѣлалъ ему честь жить у него въ домѣ: онъ описывалъ другихъ, какъ онъ ихъ находилъ. Многие изъ нихъ извѣстны всѣмъ. Я имѣлъ уже двусмысленное счастье слыть пріверженцемъ спарому Суворову, а я спарался только спасать истинный его характеръ, и исполковывалъ нѣкоторые феномены, которые ставили ему въ вину. Левъ умеръ; и всѣ на него бросаются. Знаю, что вся жизнь его была цѣль особенностей. Но если слушаешь его недоброхотовъ, то онъ вздорный, безхарактерный спарикъ; а такимъ онъ, право, нико-

гда не былъ. Странность была вообще его оппечашокъ. Политическія тогдашнія отношенія показываютъ, въ какомъ мучительномъ положеніи находился Суворовъ; онъ говорилъ объ ошибкахъ смѣло, безъ пощады и лицепріятія; былъ спаръ и болѣнъ, и предвидѣлъ конецъ своей жизни. Неудовольствіе его въ таковыхъ обстоятельствахъ не могло уменьшиться. Проступки иѣкопорыхъ его подчиненныхъ приписывались ему въ вину. Какъ правдивый мужъ, знающій себѣ цѣну, но съ жельзною грудію солдата, имѣлъ онъ особенності, которыя казались инымъ проказами. Онъ былъ спрогъ къ себѣ и въ претребованіяхъ отъ другихъ. Рассказывали объ немъ въ одномъ иносстранномъ городѣ, какъ о постыдномъ скрягѣ; но это грубая ложь: ибо въ характерѣ его шлоъ же мало скупости, сколько и хвастливой распочительности. — Я совершенно удостовѣренъ, что Суворовъ былъ честный человекъ, а не жестокосердый. Ты знаешь, что я ему ничѣмъ не обязанъ, а потому и не можешь находить въ моихъ оппывахъ объ немъ ничего иного, кромѣ честнаго моего мнѣнія. Если въришь Англичанамъ, которые личнымъ своимъ характеромъ заслуживаютъ довѣріе; то Сѣверный Суворовъ, если и все справедливо, что объ немъ рассказыва-